М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ

1814—1914

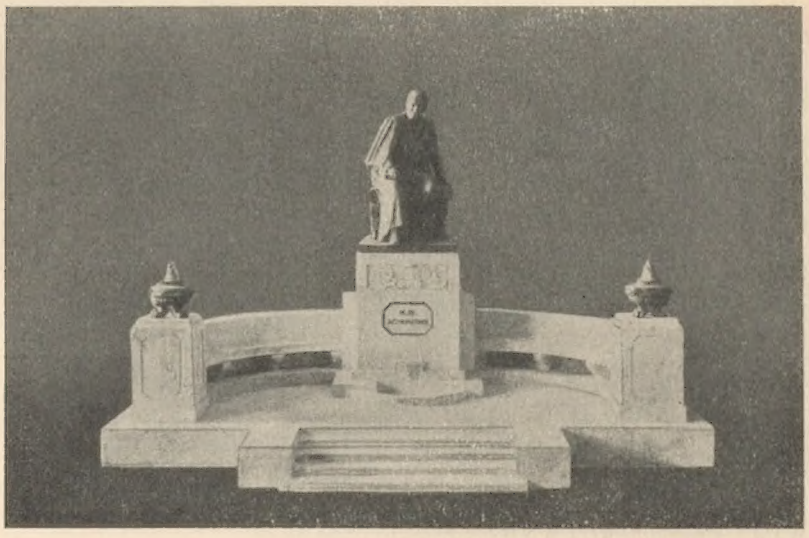
Ш-1170

ЧАЙШЕ утвержденнаго Комитета по сооруженію при Николаевскомъ
авалерійскомъ Училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову.

Педагогический институт
Фундаментальная
Библиотека.
Дошкольного Образования
92 (Лермонтовъ)
ПРОВ. 2000
Пров. 52
5/1525-а

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ

1814—1914



Изданіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Комитета по сооруженію при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914.

III - 1170

НЕ ПРОДАЕТСЯ.

Изданіе это отпечатано въ 3.000 экземплярахъ, изъ коихъ 12 за нумерами и 50 именныхъ.

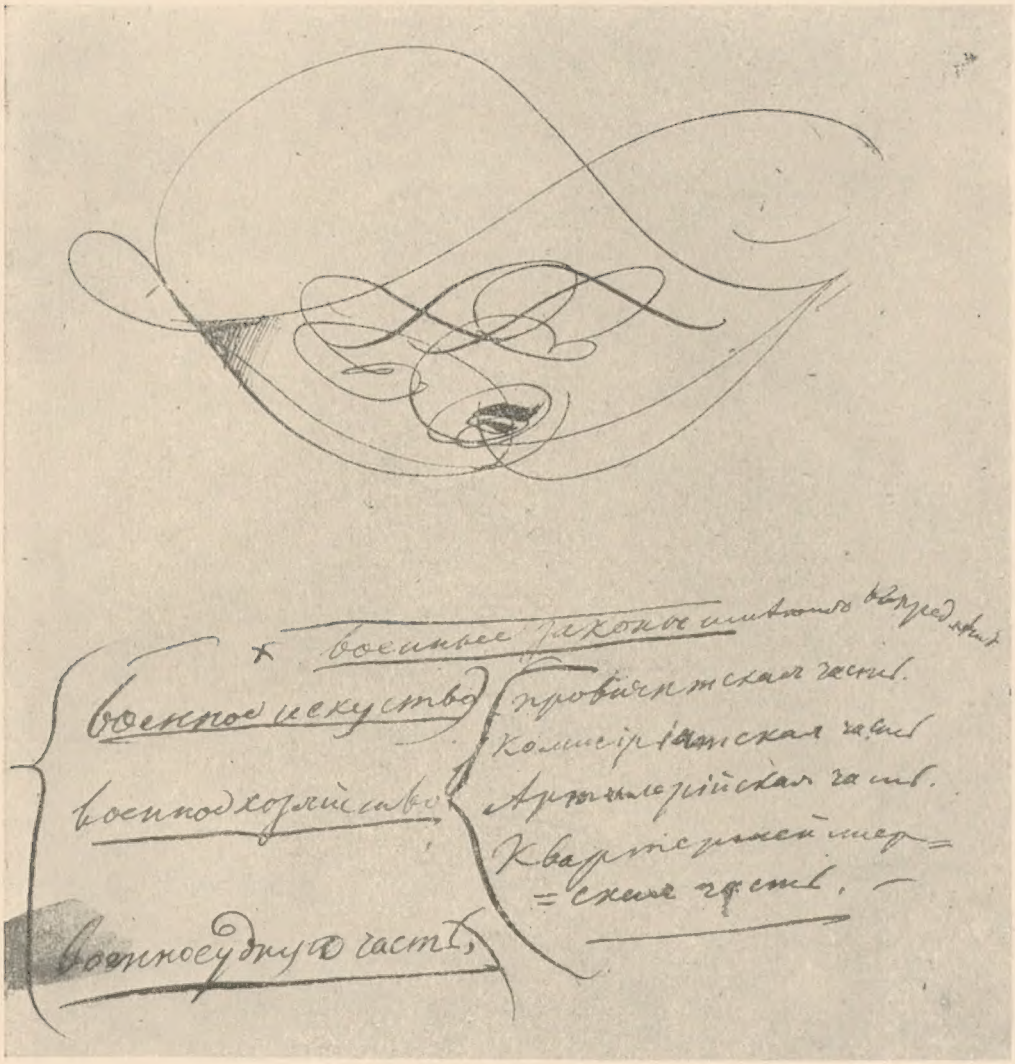
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. Спб., Звенигородская 11.
1914.

Юрій Петровичъ Лермонтовъ (отецъ поэта).

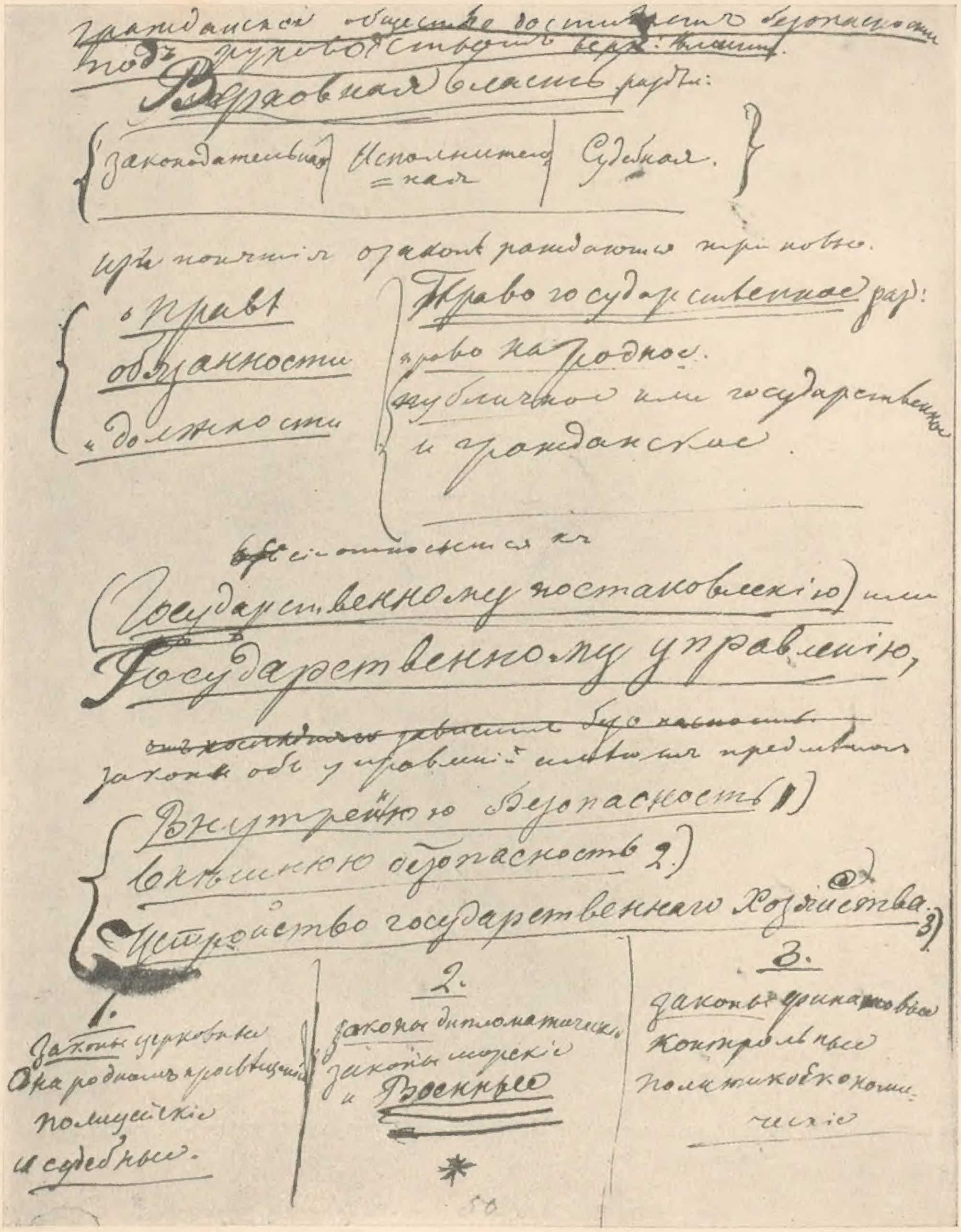
(Съ портрета масляными красками, принадлежащаго Лермонтовскому Музею при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ).

Марія Михайловна Лермонтова, рожд. Арсеньева (мать поэта).

(Съ портрета масляными красками, принадлежащаго Лермонтовскому Музею при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ).



Автографъ изъ юнкерскихъ тетрадей М. Ю. Лермонтова, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.



~~гражданское общество достигает безопасности под руководством верх. власти.~~

Верховная власть разд.:

{ Законодательная | Исполнительная | Судебная. }

их понятие о законъ раждают три новые.

{ о правах / обязанности / о должности } | { Право государственное разд.: Право народное. публичное или государственное и гражданское. }

отношения къ (Государственному постановлению) или

Государственному управлению,

законы объ управлении имеютъ предметомъ

{ Внутреннюю безопасность 1) / Внешнюю безопасность 2.) / Устройство государственнаго Хозяйства. 3) }

1. Законы церковные о народномъ просвещении полицейские и судебные.

2. Законы дипломатические, законы морские и Военные

3. Законы финансовые контрольные политико-экономические

50

IV періодъ.

Им: Петръ Первый

Нач: абсолютизма отъ Р. Хр. и 1го [illegible].

Сенатъ.

Учр: Коллегіи.

Синодъ.

Губерн: правленіе

Магистратъ

Военная коллегія.

и воинской уставъ раздѣл: на 4 части.

воинск: управленіе; т. е. должности.	воинской артикулъ наказанія	военное судопроизводство.	екзерциція чины и проч:

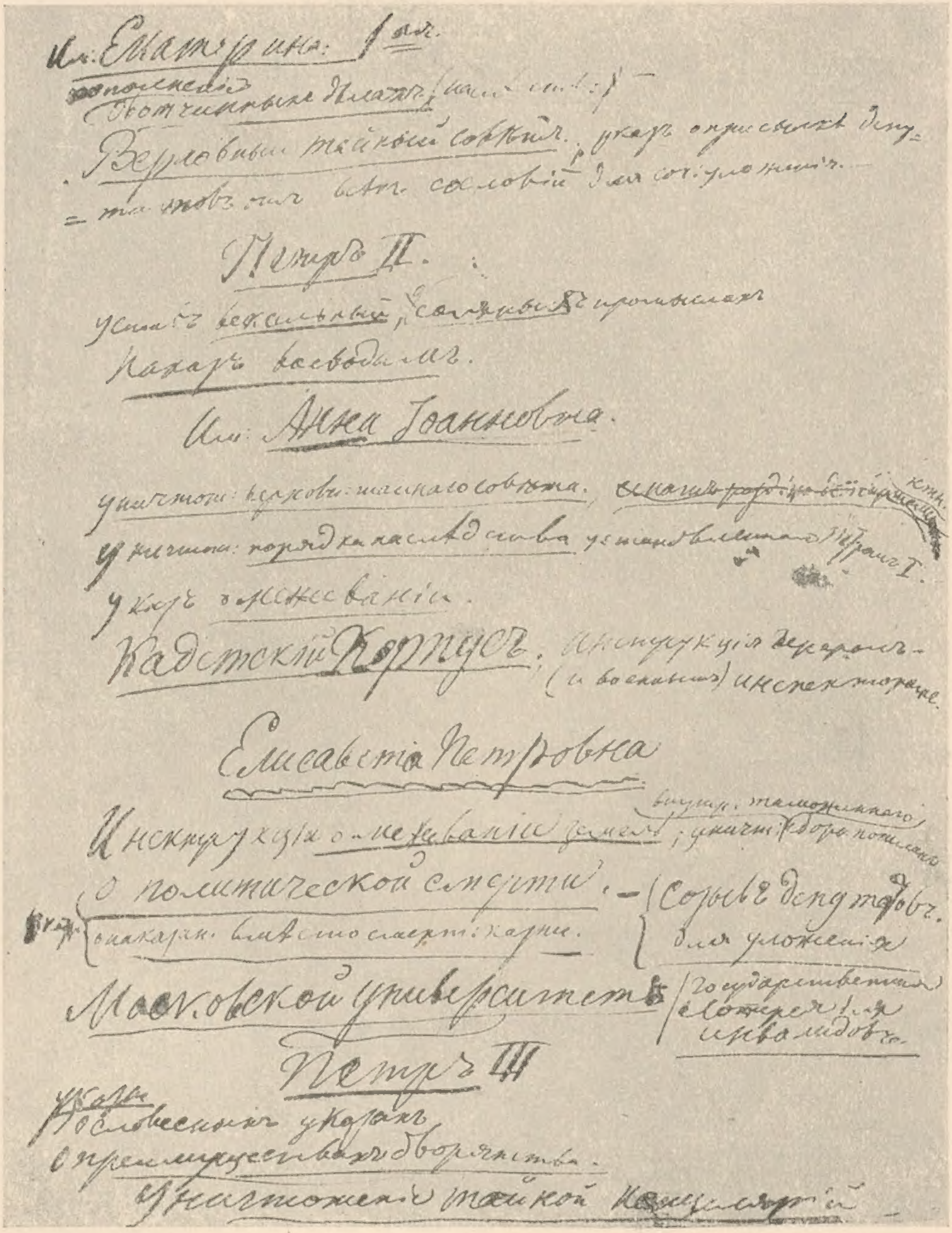
Морск: уставы и регламенты для присутствующихъ мѣстъ

Морской уставъ, и — ревизіи.

Принятіе титула **Императора.**

Учрежденіе о наслѣдствѣ; табель о рангахъ.

Новые правила о наслѣдованіи частныхъ имѣній


Имп: Екатерина: 1ая.
вотчинныя дела.
Верховный тайной советъ. указъ о присылке депутатовъ отъ всехъ сословий для сочинения.
Петръ II.
уставъ вексельный; о соляныхъ промыслахъ
Наказъ воеводамъ.
Имп: Анна Іоанновна.
уничтож: верхов: тайнаго совета.
уничтож: порядка наследства установленнаго Петромъ I.
указъ о межевании.
Кадетский Корпусъ. Инструкция декурионамъ (и воспитания) инспекторамъ.
Елисавета Петровна
Инструкция о межевании земель; внутр. таможеннаго; уничт. сбора пошлинъ
О политической смерти. — Созывъ депутатовъ для уложения
наказан. вместо смерт: казни.
Московской университетъ. Государственныя лотереи для инвалидовъ.
Петръ III
о словесныхъ указахъ
о преимуществахъ дворянства.
Уничтожение тайной канцелярии.

Л. Г. Гусарскаго Полка юнкера Лермантова.

Рисунокъ Лермонтова.
Лермонтовскій Музей при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

(1814—1841).

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился 2-го октября 1814 г. въ Москвѣ. Отецъ его, Юрій Петровичъ, принадлежалъ къ старинной, но обѣднѣвшей дворянской семьѣ, которая вела свое происхожденіе отъ «шкотцкаго нѣмца» Георга Лермонта, въ 1613 г. поступившаго на русскую службу и въ чинѣ ротмистра обучавшаго впослѣдствіи дворянъ и дѣтей боярскихъ «рейтарскому строю». Въ Шотландіи фамилія Lermont или Leirmont встрѣчается уже въ XI вѣкѣ: одинъ изъ предковъ поэта принималъ участіе въ знаменитой борьбѣ Малькольма противъ Макбета. Среди шотландскихъ представителей этого рода замѣчателенъ еще великій поэтъ Томасъ Лермонтъ (XIII в.), поэтическая судьба котораго воспѣта Вальтеромъ Скоттомъ въ балладѣ «Thomas the Rymer» (Томасъ-пѣвецъ). Русская вѣтвь этой фамиліи не играла выдающейся роли въ судьбахъ своего новаго отечества, и отецъ Лермонтова занималъ скромное мѣсто воспитателя въ 1-омъ кадетскомъ корпусѣ.

Выйдя въ отставку въ 1811 году, Юрій Петровичъ поселился въ своемъ небольшомъ имѣніи, селѣ Кроптовкѣ, Ефремовскаго уѣзда Тульской губерніи. Бывая въ сосѣднемъ имѣніи Арсеньевыхъ, Васильевскомъ, онъ встрѣтился здѣсь однажды съ Ели-

М. Ю. Лермонтовъ въ іюлѣ 1840 г.

(Съ рисунка барона Палена).

заветой Алексѣевной Арсеньевой, рожденной Столыпиной, которая пріѣхала въ Васильевское съ дочерью, чтобы навѣстить своихъ родныхъ проѣздомъ изъ Москвы въ свое родовое имѣніе Тарханы *), Чембарскаго уѣзда Пензенской губерніи. Ловкій и красивый, Юрій Петровичъ быстро завоевалъ сердце богатой невѣсты и, несмотря на противодѣйствіе Елизаветы Алексѣевны,

*) Село Тарханы (въ 35-ти верстахъ отъ ст. Воейково Сызрано-Вяземской ж. д.), принадлежитъ теперь Маріи Владиміровнѣ Катковой, рожденной кн. Щербатовой.

былъ объявленъ женихомъ ея дочери. Елизавета Алексѣевна съ самаго начала отнеслась враждебно къ браку дочери съ небогатымъ и незнатнымъ офицеромъ, и болѣзненной Марьѣ Михайловнѣ пришлось переносить на себѣ всѣ тяжести послѣдовавшихъ сейчасъ же за свадьбой раздоровъ между матерью и мужемъ. Рожденіе сына еще болѣе разстроило ея слабый организмъ, и черезъ $2^1/_2$ года послѣ этого (24 февраля 1817 г.) она скончалась отъ чахотки. Такимъ образомъ дѣтство поэта было лишено самаго яркаго луча въ жизни ребенка,—материнской ласки, но свѣтлое воспоминаніе о ней навсегда осталось въ его чуткой душѣ. «Когда я былъ трехъ лѣтъ,—писалъ онъ потомъ,—то была пѣсня, отъ которой я плакалъ: я не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что, если бы услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать». Но и съ отцомъ своимъ поэтъ видѣлся въ дѣтствѣ лишь изрѣдка и случайно. Послѣ смерти жены Юрій Петровичъ окончательно разошелся съ Елизаветой Алексѣевной и немедленно удалился къ себѣ въ имѣніе; сына своего онъ оставилъ въ Тарханахъ, чтобы не лишить его возможности получить блестящее воспитаніе и положеніе въ свѣтѣ при помощи бабушки, которая къ тому же обѣщала сдѣлать его своимъ единственнымъ наслѣдникомъ. Вынужденная разлука съ отцомъ и тяжелое положеніе между двумя врагами, которыхъ онъ глубоко любилъ, оказали огромное вліяніе на впечатлительную душу ребенка и несомнѣнно послужили основной причиной ранняго развитія въ Лермонтовѣ зачатковъ недовѣрія къ окружающимъ: мучительные вопросы, поднимавшіеся въ его душѣ въ связи съ семейными

Генералъ-маіоръ
Баронъ Константинъ Антоновичъ
ШЛИППЕНБАХЪ.
Начальникъ Школы Гвардейскихъ подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ юнкеровъ (1831—1843).

неурядицами, сыграли немаловажную роль въ развитіи его мрачнаго міросозерцанія. Яркимъ доказательствомъ этого являются его юношескія драмы «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти») и «Странный человѣкъ».

Въ другихъ отношеніяхъ раннее дѣтство Лермонтова протекало при очень благопріятныхъ условіяхъ. Онъ росъ въ богатой барской усадьбѣ, окруженный гувернерами и гувернантками, среди шумной толпы сверстниковъ и сверстницъ, которыхъ бабушка приглашала въ Тарханы спеціально для развлеченія своего Мишеля. Однако, вскорѣ счастливое теченіе жизни избалованнаго ребенка было прервано тяжелою болѣзнью, которая чуть ли не на цѣлыхъ два года приковала его къ постели и немало способствовала чрезвычайно раннему развитію духовной жизни геніальнаго мальчика. Въ теченіе этого печальнаго времени «онъ выучился думать»: лишенный обычныхъ дѣтскихъ удовольствій, онъ сосредоточивался въ себѣ, въ немъ быстро начали развиваться глубокая, недѣтская мысль и пламенная фантазія. «Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ,—пишетъ Лермонтовъ въ одной незаконченной повѣсти,—задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей немало помѣшало его выздоровленію»...

Капитанъ Пѣтуховъ.
Преподаватель Лермонтова по топографіи.

Когда мальчикъ поправился, бабушка повезла его для окончательнаго возстановленія силъ на Кавказъ, въ Пятигорскъ (1825 г.), и здѣсь недѣтская душа его пережила чрезвычайно яркія и неизгладимыя впечатлѣнія. Дивная природа Кавказа глубоко поразила его, и съ тѣхъ поръ Кавказъ сдѣлался для него второй родиной и сталъ мѣстомъ дѣйствія главныхъ его произведеній. «Синія горы Кавказа, пишетъ юноша-поэтъ, при-

вѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ, вы къ небу меня пріучили, и съ тѣхъ поръ я мечтаю о васъ да о небѣ» (1830 г.). Произошло здѣсь и другое необычайное явленіе, еще болѣе свидѣтельствующее о поразительно раннемъ развитіи духовныхъ способностей геніальнаго ребенка: здѣсь, на Кавказѣ, пылкая душа десятилѣтняго мальчика впервые испытала настоящую любовь. Предметомъ этой любви, по разсказу самого поэта, была бѣлокурая дѣвочка лѣтъ девяти, приходившая въ гости къ его кузинамъ Столыпинымъ. «Это была страсть сильная, хотя ребяческая,—пишетъ впослѣдствіи Лермонтовъ.—это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ»...

Ѳедоръ Андреевичъ Вильсонъ.
Воспитатель Лермонтова.

По возвращеніи съ Кавказа Елизавета Алексѣевна занялась усиленной подготовкой Мишеля къ поступленію въ Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ,—лучшее тогда учебное заведеніе въ Москвѣ. Домашнее образованіе Лермонтова было поставлено заботливой бабушкой на рѣдкость хорошо. Среди его многочисленныхъ воспитателей и учителей заслуживаютъ особеннаго вниманія нѣмка Христина Осиповна Ремеръ, умѣрявшая въ пылкомъ и избалованномъ ребенкѣ слишкомъ рѣзкія проявленія барской властности по отношенію къ низшимъ, и французъ Капэ (Capet), любимый гувернеръ Лермонтова, умершій въ домѣ Арсеньевой. Это былъ ветеранъ Наполеоновской гвардіи, оставшійся въ Россіи послѣ крушенія своего кумира; пламенно влюбленный въ Наполеона, онъ передалъ культъ великаго полководца своему питомцу и восторженными разсказами о великой войнѣ народовъ способствовалъ развитію въ будущемъ поэтѣ любви къ военной жизни и

боевымъ подвигамъ. Англичанинъ Ѳедоръ Андреевичъ Вильсонъ основательно познакомилъ Лермонтова съ англійскимъ языкомъ и далъ ему такимъ образомъ возможность изучить въ подлинникѣ творенія великаго его учителя Байрона. Ко времени своего поступленія въ Благородный пансіонъ Лермонтовъ прекрасно владѣлъ русской рѣчью (что далеко не часто встрѣчалось тогда въ барскихъ семьяхъ), изучилъ три иностранныхъ языка, кромѣ того, отлично рисовалъ и очень недурно игралъ на скрипкѣ и фортепьяно.

Въ первый же годъ пребыванія въ пансіонѣ въ Лермонтовѣ пробудилось стремленіе къ поэтическому творчеству. Первыя его стихотворенія (1828 г.) носятъ еще совершенно незрѣлый характеръ: молодой поэтъ рабски подражаетъ Жуковскому и особенно Пушкину, у котораго заимствуетъ не только отдѣльные поэтическіе обороты, но и цѣлые отрывки. Но уже къ слѣдующему, 1829 году, относится большая группа произведеній, свидѣтельствующая о необыкновенно быстромъ развитіи его поэтическаго дарованія: здѣсь есть уже такіе перлы, какъ «Молитва» («Не обвиняй меня, Всесильный»...), и такія глубокія по содержанію стихотворенія, какъ «Монологъ» («Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ»...) Тогда же набросанъ и первый очеркъ «Демона». Недѣтская зрѣлость мысли, замѣчательное для мальчика совершенство формы, глубокая искренность и сила переживаній сразу обратили на себя вниманіе юныхъ читателей школьныхъ журналовъ, въ которыхъ Лермонтовъ помѣщалъ свои стихотворенія. Появляясь еще въ качествѣ питомца пансіона на лекціяхъ въ университетѣ, онъ вызывалъ уже къ себѣ «особенное любопытство и уваженіе» со стороны студентовъ, такъ какъ его имя они часто встрѣчали «подъ стихотвореніями, запечатлѣнными живымъ поэтическимъ чувствомъ и нерѣдко зрѣлостью мысли не по лѣтамъ». Въ самомъ дѣлѣ, пансіонскія стихотворенія Лермонтова удивляютъ глубиной содержанія и неподдѣльной искренностью вложеннаго въ нихъ сильнаго чувства: отчасти любовь и особенно страстное исканіе дружбы являются главными темами этихъ стихотвореній, а связанные съ ними моменты глубокаго разочарованія, вызваннаго неудачами въ сердечныхъ исканіяхъ юноши, налагаютъ на его произведенія грустно-меланхолическій от-

Лермонтовскій выпускъ въ кавалерію 1834 г.

Николай Ивановичъ
ПОЛИВАНОВЪ.
(ЛАФА).
Въ Уланскій Ея Величества полкъ.

Вахмистръ
Ермолай Павловичъ
БЕНКЕНДОРФЪ.
Въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ.

Александръ Леонтьевичъ
ЧЕРНОВЪ.
Въ Л.-Гв. Гусарскій Его Величества полкъ.

Кириллъ Леонтьевичъ
ЧЕРНОВЪ.
Въ Л.-Гв. Гусарскій Его Величества полкъ.

Леонидъ Ивановичъ
ХОМУТОВЪ.
Въ Л.-Гв. Конно-Гренадерскій полкъ.

Эристъ Ивановичъ
МИРБАХЪ.
Въ Л.-Гв. Конный полкъ.

Александръ Алексѣевичъ
ВОЛОЦКОЙ.
Въ Л.-Гв. Конно-Гренадерскій полкъ.

тѣнокъ, который силой огромнаго и не по лѣтамъ развитого ума углубляется до размѣровъ настоящей міровой скорби.

Выпущенный изъ пансіона въ началѣ 1830 года со свидѣтельствомъ объ «отличномъ прилежаніи, похвальномъ поведеніи и весьма хорошихъ успѣхахъ», Лермонтовъ былъ принятъ въ число студентовъ нравственно политическаго отдѣленія Московскаго университета. Въ теченіе двухлѣтняго пребыванія въ университетѣ въ Лермонтовѣ происходила особенно интенсивная внутренняя работа, и здѣсь уже начинаютъ складываться основныя черты его нравственнаго характера.

Ротмистръ Клеронъ.
Смѣнный офицеръ школы.

Постановка научнаго преподаванія въ университетѣ не удовлетворяла серьезнымъ потребностямъ уже развитого и отъ природы глубокаго Лермонтовскаго ума, переживавшаго тогда процессъ сложныхъ мучительныхъ исканій, отраженіемъ которыхъ является большая группа его произведеній 1830—31 гг. Сознаніе своихъ «необъятныхъ силъ» и превосходства надъ другими, болѣзненное исканіе назначенія своему «дѣятельному генію», презрѣніе и ненависть ко всякому проявленію людской пошлости и мелочности—эти чисто-Лермонтовскія черты всецѣло складываются уже въ эти годы и налагаютъ на его обликъ мрачный колоритъ безысходнаго пессимизма. Придя въ аудиторію, Лермонтовъ обыкновенно усаживался гдѣ-нибудь въ сторонѣ и весь погружался въ чтеніе, не обращая никакого вниманія ни на лекцію профессора, ни на громкіе споры студентовъ «о Богѣ, о вселенной и о томъ, какъ пить: ромъ съ чаемъ или голый ромъ». Рѣдко-рѣдко «Лермонтовъ, бывало, отвернется отъ своего чтенія и только взглянетъ на ораторствующаго,—но какъ взглянетъ!.. Говорящій невольно, будто струсивъ, или умалитъ свой экстазъ, или совсѣмъ

замолчитъ». Немудрено, что замкнутый характеръ поэта казался его товарищамъ «грубымъ, дерзкимъ, заносчивымъ»; но въ то же время, «хотя всѣ отъ него отшатнулись,... какое-то непонятное, таинственное настроеніе влекло къ нему и невольно заставляло

Портретъ работы Лермонтова.
Съ оригинала, хранящагося въ Лермонтовскомъ Музеѣ, пожертвованнаго Лопухинымъ.

вести себя сдержанно въ отношеніи къ нему»... Всегда мрачный, углубленный въ безконечное содержаніе своей душевной трагедіи, съ тяжелымъ, свинцовымъ взоромъ и ядовитой, полной презрѣнія усмѣшкой на устахъ, Лермонтовъ былъ вѣчной загадкой для окружающихъ, и напрасны были всѣ попытки студентовъ хотя сколько-нибудь проникнуть въ сложную жизнь его

духа. На вопросъ одного изъ товарищей, какую книгу онъ читаетъ, Лермонтовъ далъ, напримѣръ, такой отвѣтъ: «Для чего это вамъ хочется знать? Будетъ безполезно, если я удовлетворю вашему любопытству. Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ интересовать, потому что вы не поймете тутъ ничего». Такъ же презрительно и свысока поэтъ относился и къ

Рисунокъ Лермонтова (акварель), хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

тѣмъ профессорамъ, выше которыхъ себя чувствовалъ: много работая надъ самообразованіемъ, онъ нарочно ставилъ ихъ втупикъ на экзаменахъ, сообщая имъ новыя научныя свѣдѣнія и наслаждаясь полною безпомощностью профессора въ оцѣнкѣ отвѣта студента, провѣрить котораго онъ, профессоръ, увы! не былъ въ состояніи. Естественно, что отношенія Лермонтова къ профессорамъ настолько обострились, что черезъ два года по поступленіи ему пришлось покинуть Московскій Университетъ.

Пребываніе Лермонтова въ университетѣ, его гордое одиночество, его презрѣніе къ окружающимъ, внушенное созна-

ніемъ своего превосходства, и, наконецъ, поэтическая работа этого періода — все это заставляетъ насъ признать, что поэтъ уже чувствовалъ въ себѣ, подобно Печорину, «силы необъятныя» и предугадывалъ свое «назначеніе высокое». Но несомнѣнно и то, что это «назначеніе высокое» онъ здѣсь, какъ и впослѣдствіе, видѣлъ не въ одной поэзіи: его «дѣятельный геній» требовалъ кипучей жизненной работы, его «силы необъятныя» мучительно искали выхода, не находили его и въ теченіе всей жизни поэта выражались прежде всего въ одномъ и томъ же явленіи, ярко проходящемъ черезъ всю его жизнь и творче-

Рисунокъ Лермонтова изъ тетради, принадлежащей Лермонтовскому Музею (№ 178).

ство,—въ стремленіи возвыситься надъ окружающими, «дерзать и владѣть» толпой, въ инстинктивномъ стремленіи дѣятеля и вождя. Въ университетѣ эти основные порывы «дѣятельнаго генія» находили себѣ выраженіе въ желаніи первенствовать надъ товарищами и даже надъ профессорами въ сферѣ позна-

нія,—въ другихъ кругахъ общества Лермонтовъ точно такъ-же стремится, приспособляясь къ средѣ, занять въ ней первое мѣсто, тонко подмѣчая главные ея интересы и искусно пользуясь ими для пріобрѣтенія доминирующаго положенія: въ университетѣ онъ поражаетъ знаніями, въ свѣтской средѣ остроуміемъ и

Рисунокъ Лермонтова изъ тетради, принадлежащей Лермонтовскому Музею (№ 14).

побѣдами надъ дамскими сердцами, въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и въ рядахъ арміи беззавѣтной лихостью и храбростью. Въ этомъ кроется разгадка многихъ сторонъ внѣшней жизни Лермонтова, не понятыхъ современниками и кажущихся иногда мелочными или несимпатичными; чтобы царить надъ толпой, онъ хотѣлъ казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и, тщательно скрывая отъ людей «надежды лучшія и голосъ благородный невѣріемъ осмѣянныхъ страстей», надѣвалъ на себя ту маску, которая могла понравиться толпѣ и сдѣлать его ея кумиромъ. Вотъ причина многихъ невѣрныхъ сужденій о

Лермонтовѣ-человѣкѣ, обманывавшемъ даже такихъ умныхъ и проницательныхъ людей, какимъ былъ Бѣлинскій.

Оставивъ Московскій университетъ, Лермонтовъ сдѣлалъ попытку перейти въ Петербургскій, но тамъ ему предложили поступить на общемъ основаніи на первый курсъ; не желая терять двухъ лѣтъ съ сомнительнымъ успѣхомъ и стремясь поскорѣе найти исходъ своимъ могучимъ силамъ въ самостоятельной жизни, поэтъ зачислился юнкеромъ въ Л.-Гв. Гусарскій Его Величества полкъ и 10 ноября 1832 г. поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское Кавалерійское Училище). «И вотъ теперь я воинъ», пишетъ онъ М. А. Лопухиной: «быть можетъ, тутъ есть особенная воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли *), можетъ быть, не приведетъ ли онъ меня къ послѣдней цѣли всего существующаго: умереть съ пулею въ груди нисколько не хуже, чѣмъ умереть отъ медленнаго старческаго истощенія. Итакъ, если начнется война, клянусь вамъ Богомъ, я буду вездѣ первымъ».

Немедленно по поступленіи въ школу, Лермонтовъ и здѣсь сталъ прежде всего проявлять свою жажду первенства, стремясь превзойти своихъ товарищей физической силой, ловкостью и лихостью. За это онъ однажды едва жестоко не поплатился. Какъ то разъ, послѣ ѣзды въ манежѣ, подстрекаемый юнкерами, онъ сѣлъ на молодую, дурно выѣзженную лошадь, которая начала вертѣться около другихъ лошадей; одна изъ нихъ такъ сильно ударила Лермонтова въ ногу, что его безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Только послѣ двухъ мѣсяцевъ леченія на квартирѣ у бабушки онъ могъ вернуться къ школьнымъ занятіямъ и потомъ всю жизнь немного прихрамывалъ. Въ другой разъ Лермонтовъ, обладавшій большою физической силой, вступилъ въ состязаніе съ первымъ силачомъ школы Карачинскимъ: начальникъ школы, генералъ Шлиппенбахъ, застигъ ихъ въ то время, какъ они гнули шомпола въ узлы, и, вспыливъ, крикнулъ: «Ну, не стыдно ли вамъ такъ ребячиться? Дѣти, что ли вы, чтобы шалить? Ступайте подъ арестъ»! Обоихъ арестовали на сутки. «Хороши дѣти,—смѣялся потомъ Лермонтовъ,—которыя могутъ изъ желѣзныхъ шомполовъ вязать узлы»

*) «Жить для поприща литературнаго».

Рисунки Лермонтова изъ тетради, принадлежащей Лермонтовскому Музею (№№ 68, 67 и 181).

Отношенія Лермонтова съ большинствомъ новыхъ его товарищей были въ общемъ очень хорошими: онъ носилъ въ школѣ шуточное прозвище «Маёшка», взятое юнкерами изъ французскихъ карикатурныхъ листковъ, героемъ которыхъ былъ фантастическій уродъ «Monsieur Mayeux»; онъ былъ хорошимъ товарищемъ и настоящимъ изобрѣтателемъ всякаго рода чудачествъ, заслужившихъ ему почетное положеніе среди юнкеровъ. Цѣнное описаніе поэта-юнкера сохранилось въ запискахъ его

Эпизодъ изъ маневровъ въ Красномъ Селѣ.
Съ оригинала (тушью), принадлежащаго Лермонтовскому Музею.

будущаго убійцы, тогда товарища по школѣ, Н. С. Мартынова: «Наружность его,—пишетъ Мартыновъ,—была весьма невзрачна: маленькій ростомъ, кривоногій, съ большой головой, съ непомѣрно-широкимъ туловищемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ловкій въ физическихъ упражненіяхъ и съ сильно развитыми мышцами. Лицо его было довольно пріятное. Обыкновенное выраженіе глазъ въ покоѣ нѣсколько томное, но, какъ скоро онъ воодушевлялся какими нибудь проказами или школьничествомъ — глаза эти начинали бѣгать съ такой быстротой, что одни бѣлки оставались на мѣстѣ... Волосы у него были темные, но довольно рѣдкіе, съ свѣтлой прядью немного повыше лба, виски и лобъ весьма открытые, зубы превосходные—бѣлые и ровные, какъ жемчугъ...

Онъ былъ ловокъ въ физическихъ упражненіяхъ, крѣпко сидѣлъ на лошади; но... былъ сложенъ дурно, не могъ быть красивъ на лошади... Умственное развитіе его было настолько выше другихъ товарищей, что и параллели между ними провести невозможно... Годами онъ былъ не старше другихъ, но опытомъ и воззрѣніемъ на людей далеко оставлялъ ихъ за собой»...

Подчиняясь интересамъ среды и стремясь взять надъ нею верхъ, Лермонтовъ кажется въ школѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ въ университетѣ. Однако, злыя остроты и на-

Рисунокъ Лермонтова (акварель), принадлежащій С. А. Новосильцевой.

смѣшки, которыми онъ нажилъ себѣ немалое число враговъ въ школѣ, показываютъ, что и здѣсь онъ «изъ мести унижалъ толпу подъ видомъ лести», что и здѣсь онъ надѣвалъ на себя ту же личину, скрывая внутри себя настоящую жизнь своего трагическаго духа. Въ значительной степени такой личиной была и его литературная работа въ стѣнахъ школы: принявъ горячее участіе въ изданіи рукописнаго журнала «Школьная Заря», Лермонтовъ помѣстилъ въ немъ нѣсколько фривольныхъ поэмъ, въ которыхъ описывалъ различные эпизоды изъ жизни своей и своихъ товарищей. Такъ, въ «Уланшѣ» изображенъ переходъ эскадрона въ Петербургъ и ночной привалъ въ де-

ревнѣ Ижоры; героемъ ея является уланскій юнкеръ Лафа,—товарищъ поэта Н. И. Поливановъ. Въ «Гошпиталѣ въ Петергофѣ» изображены тотъ же Лафа, далѣе Шубинъ (Choubin) и князь А. И. Барятинскій (впослѣдствіи фельдмаршалъ). Въ «Петергофскомъ праздникѣ» дѣйствуетъ юнкеръ лейбъ-кирасирскаго полка Бибиковъ. Наконецъ въ статьѣ «Пограничныя извѣстія», подписанной псевдонимомъ Степановъ, выведенъ князь Шаховской, за свой длинный носъ получившій прозвища—«курокъ» и «князь-носъ».

Учился Лермонтовъ прекрасно и особенные успѣхи дѣлалъ въ русской словесности, исторіи и математикѣ, которую очень любилъ. Въ Лермонтовскомъ музеѣ хранится всегда при немъ находившаяся книжка, озаглавленная «Ручная Математическая Энциклопедія».

Въ стѣнахъ школы существуетъ любопытное преданіе, касающееся учебныхъ занятій поэта и относящееся къ извѣстному портрету его работы, до сихъ поръ считавшемуся портретомъ испанскаго герцога Лермы, котораго поэтъ нѣкоторое время ошибочно считалъ въ числѣ своихъ предковъ. Какъ-то разъ,—разсказываетъ преданіе, — Лермонтовъ, находясь у Лопухина, никакъ не могъ рѣшить одной сложной математической задачи. Ночью онъ увидѣлъ во снѣ человѣка, похожаго на Коперника, который указалъ ему пріемы ея рѣшенія. Лермонтовъ вскочилъ, тотчасъ углемъ на стѣнѣ записалъ ея рѣшеніе и тутъ же зарисовалъ портретъ Коперника. Впослѣдствіи Лермонтовъ нарисовалъ этотъ же портретъ красками, и изъ семьи Лопухина онъ поступилъ въ Лермонтовскій музей школы *).

Такова была въ общихъ чертахъ внѣшняя жизнь Лермонтова въ стѣнахъ школы: но внутренняя жизнь его генія, скрытая отъ глазъ товарищей, шла въ томъ же направленіи мрачнаго разочарованія въ себѣ, въ жизни и въ людяхъ. По вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, поэтъ нерѣдко уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты «и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи, стараясь туда пробраться не замѣченнымъ товарищами». Въ время пребыванія въ школѣ Лермонтовъ, кромѣ указанныхъ шуточныхъ поэмъ и нѣсколькихъ стихотвореній, написалъ четвертый очеркъ своего «Демона» и

*) Портретъ этотъ помѣщенъ на стр. 10.

поэму «Хаджи-Абрекъ»—первое изъ его произведеній, увидѣвшее свѣтъ съ полной его подписью: противъ воли поэта одинъ изъ его товарищей, Юрьевъ, напечаталъ ее въ журналѣ «Библіотека для чтенія». Князь Манвеловъ, тоже школьный товарищъ Лермонтова, пожертвовавшій Лермонтовскому музею цѣнную тетрадь его рисунковъ, въ препроводительномъ письмѣ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее интересное извѣстіе, касающееся этой поэмы: «По поводу художественныхъ дарованій Лермонтова припоминаю фактъ, разсказанный мнѣ товарищами старшаго вы-

Рисунокъ Лермонтова изъ тетради, принадлежащей Лермонтовскому Музею (№ 146).

пускного класса: въ годъ своего производства въ офицеры Лермонтовъ представилъ нашему преподавателю русской словесности Плаксину свое сочиненіе въ стихахъ «Хаджи-Абрекъ», по прочтеніи котораго Плаксинъ тутъ же на своей кафедрѣ, поднявшись со стула, торжественно произнесъ: «Привѣтствую будущаго поэта Россіи». Такимъ образомъ Плаксину принадлежитъ честь впервые угадать въ Лермонтовѣ его поэтическій геній.

Высочайшимъ приказомъ отъ 22 ноября 1834 г. Лермонтовъ былъ произведенъ въ корнеты Л.-Гв. Гусарскаго полка. Съ внѣшней стороны жизнь Лермонтова въ это время естественно приняла особый оттѣнокъ, явившійся результатомъ внезапно пріобрѣтенной

послѣ школьныхъ рамокъ свободы: «Проказы, шалости, шутки всякаго рода сдѣлались его любимымъ занятіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ,—словомъ, всего того, что составляетъ жизнь въ эти годы» *). Но не въ этомъ, конечно, видѣлъ Лермонтовъ суть и смыслъ своей жизни, не

Рисунокъ Лермонтова изъ тетради, принадлежащей Лермонтовскому Музею. (№ 147).

здѣсь искалъ онъ удовлетворенія великимъ потребностямъ своего духа. «Моя будущность, блистательная на видъ, — пишетъ онъ М. А. Лопухиной,—въ сущности пошла и пуста. Долженъ вамъ признаться, съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтами и ложными шагами на жизненномъ пути». Подъ маской свѣтскаго человѣка скрывались великія мечты, но онѣ без-

*) Воспоминанія графини Е. П. Ростопчиной. Такимъ же Лермонтовъ является и въ описаніяхъ его товарищей—Меринскаго, Бурнашева и А. П. Васильчикова.

Портретъ неизвѣстнаго.

Юнкеръ А. И. Хомутовъ.

Рисунки Лермонтова изъ тетради, принадлежащей Лермонтовскому Музею (№№ 136 и 27).

надежно разбивались о сѣрую плоскость окружающей дѣйствительности, и бурныя попытки примѣнить къ жизни свои огромныя силы приводили лишь къ «ложнымъ шагамъ» и къ мрачному отчаянію. Въ эти годы свѣтской жизни (1834—1836) поэтъ создаетъ «Боярина Оршу», «Сашку», начинаетъ автобіографическій романъ «Княгиня Лиговская» и пишетъ двѣ драмы «Два брата» и «Маскарадъ»: мрачный герой послѣдняго произведенія, надѣленный Лермонтовскими чертами душевной усталости и разочарованія въ людяхъ, служитъ яркимъ показателемъ того мучительнаго душевнаго процесса, который и въ это время былъ основой его внутренней жизни.

Прекраснымъ, но неопредѣленнымъ мечтамъ Лермонтова о «высокомъ назначеніи» не суждено было, конечно, найти себѣ осуществленія въ той свѣтской жизни, которой онъ такъ долго и страстно ожидалъ. Свѣтское общество на первыхъ порахъ его не замѣтило, и оскорбленное самолюбіе поэта заставило его всѣ силы свои устремить прежде всего на то, чтобы занять здѣсь первенствующее положеніе, котораго требовали его титаническія силы. Извѣстная исторія съ Катенькой Сушковой, которая блистала въ это время въ петербургскихъ салонахъ, и была однимъ изъ тѣхъ «ложныхъ шаговъ», помощью которыхъ Лермонтовъ пытался создать себѣ пьедесталъ, возвышающій его надъ толпой. Увлекшись «приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ», онъ принялся дѣятельно ухаживать за m-lle Сушковой и, когда въ свѣтѣ уже заговорили о предстоящей свадьбѣ, рѣзко и намѣренно замѣтно для всѣхъ порвалъ съ нею. «Вначалѣ это было просто развлеченіемъ,—писалъ объ этомъ самъ Лермонтовъ,—а затѣмъ, когда мы поладили, стало расчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, связи. Я увидалъ, что, если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другія незамѣтно также займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества». Роль побѣдителя женскихъ сердецъ привлекала къ нему вниманіе толпы, и онъ сдѣлался имъ только съ этой цѣлью, отнюдь и никогда не будучи обыкновеннымъ волокитой. Наоборотъ, все творчество Лермонтова проникнуто горячимъ исканіемъ единой и вѣчной любви, безконечной тоской по идеалу чистой женщины, тягостнымъ

разочарованіемъ въ возможности найти это глубокое и чистое чувство. Вспомнимъ вѣчное и мощное чувство печальнаго «Утеса», вспомнимъ начало поэмы «Валерикъ» и многія другія стихотворенія Лермонтова, написанныя на тѣ же темы, и мы поймемъ, что сердце поэта было создано для единой и вѣчной любви. Біографы Лермонтова знаютъ, что поэтъ именно такимъ таинственнымъ и глубокимъ чувствомъ любилъ Вареньку Лопухину, и едва ли мы ошибемся, если неудачную любовь эту положимъ въ основу всего разочарованія Лермонтова въ любви и въ женщинѣ. Любовь эта была взаимной и началась еще въ Москвѣ, но послѣ переѣзда Лермонтова въ Петербургъ Лопухина неожиданно вышла замужъ за Н. Ѳ. Бахметева. Извѣстіе объ этомъ поэтъ получилъ въ концѣ 1835 г. «Мы играли въ шахматы,— разсказываетъ А. П. Шанъ-Гирей, — человѣкъ подалъ письмо; Мишель началъ его читать, но вдругъ измѣнился въ лицѣ и поблѣднѣлъ... Это было извѣстіе о предстоящемъ замужествѣ В. А. Лопухиной... Я имѣлъ случай убѣдиться, что первая страсть Мишеля не исчезла»... Объ этой любви поэтъ подробно разсказалъ въ своей не оконченной повѣсти «Княгиня Лиговская». Лермонтовъ не былъ виноватъ въ томъ, что онъ не нашелъ вѣчнаго и прочнаго чувства въ этомъ мірѣ, «гдѣ страсти мелкой только жить, гдѣ не умѣютъ безъ боязни ни ненавидѣть, ни любить»...

Рисунокъ Лермонтова изъ тетради, принадлежащей Лермонтовскому Музею (№ 199).

Итакъ, блестящая жизнь въ свѣтѣ, «завистливомъ и душномъ для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей», не дала Лермонтову возможности найти «жизни назначенье, цѣль упованій и страстей». Неожиданное и роковое событіе, — смерть Пушкина, — внезапно доставило ему то, чего онъ такъ страстно и такъ тщетно добивался: какъ Байронъ, онъ въ одно утро проснулся знаменитостью; имя его, окруженное ореоломъ славы великаго поэта, сдѣлалось извѣстнымъ всей грамотной Россіи; его дивное стихотвореніе «На смерть Пушкина», въ которомъ

Рисунки Лермонтова изъ тетради, принадлежащей Лермонтовскому Музею (№№ 108 и 89).

онъ съ небывалой мощью бросилъ въ лицо свѣту свой «желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью», создало ему, наконецъ, тотъ пьедесталъ, котораго жаждало его великое сердце. Стихи вызвали взрывъ энтузіазма и всеобщее ликованіе по поводу появленія достойнаго преемника трагически погибшему поэту, но въ то же время раздражили толпу его враговъ и послужили причиной рѣзкой перемѣны въ личной жизни поэта: по проискамъ оскорбленныхъ имъ враговъ Лермонтовъ былъ переведенъ въ армію, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ.

Кратковременная служба Лермонтова на Кавказѣ была, безспорно, полезна для его творческаго генія: съ дѣтства горячо привязанный къ «священнымъ для него горамъ», поэтъ изъ-

Рисунокъ Лермонтова изъ тетради, принадлежащей Лермонтовскому Музею (№ 107).

Рисунокъ Лермонтова изъ тетради, принадлежащей Лермонтовскому Музею (№ 97).

ѣздилъ весь Кавказъ и набрался самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Здѣсь онъ закончилъ свою поэму «Пѣсня про купца Калашникова», создалъ такіе перлы, какъ «Молитва» («Я, Матерь Божія»...), «Когда волнуется желтѣющая нива», «Кинжалъ» и другіе. Однако пребываніе Лермонтова на Кавказѣ было очень непродолжительно и закончилось уже 11 октября того же 1837 г.,

В. И. Кюрнигъ.

Съ рисунка Лермонтова (неромъ) изъ тетради, принадлежащей Лермонтовскому Музею (№ 204).

когда послѣдовалъ Высочайшій указъ о переводѣ поэта въ Гродненскій гусарскій полкъ, стоявшій близъ Новгорода, а 9 апрѣля слѣдующаго года, по ходатайству бабушки, Лермонтовъ получилъ полное прощеніе и возвращенъ въ ряды Л.-Гв. Гусарскаго Его Величества полка.

Положеніе Лермонтова въ великосвѣтскомъ обществѣ было теперь совсѣмъ инымъ, чѣмъ прежде. «Втеченіе мѣсяцевъ,— пишетъ онъ М. А. Лопухиной,—на меня была мода, меня

наперерывъ отбивали другъ у друга... Весь этотъ народъ, которому доставалось отъ меня въ моихъ стихахъ, старается осыпать меня лестью»... Этотъ успѣхъ, однако, не только не примирилъ Лермонтова съ толпой, но, какъ и слѣдовало ожидать, еще болѣе способствовалъ его отчужденію отъ людей и росту его пессимизма. Еще откровеннѣе, чѣмъ прежде, высказывалъ поэтъ свое презрѣніе къ людской пошлости и злобѣ («Дума», «Три пальмы»). «Не находя пищи ни для сердца, ни для ума», тяготясь не растраченнымъ избыткомъ титаническихъ силъ, которыми надѣлила его природа, поэтъ находилъ какое-то злобное удовольствіе въ томъ, чтобы «казаться самымъ пустымъ человѣкомъ, даже мальчишкой и школьникомъ» и, по словамъ А. О. Смирновой, отличаться «невозможной дерзостью», не предвѣщавшей для него ничего добраго. Разочарованный въ себѣ («Не вѣрь себѣ»), разочарованный въ любви, въ людяхъ и въ жизни, онъ, по выраженію Тургенева, «скучалъ глубоко и задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втолкнула судьба». Исчезали послѣдніе признаки его идеализма, поэтъ терялъ послѣдніе остатки вѣры въ жизнь и людей и мучился сознаніемъ ничтожества и ненужности своего существованія. А между тѣмъ въ великой груди его билось нѣжное и пылкое сердце, жаждавшее вѣры и любви и глубоко скорбѣвшее отъ невозможности отдать на служеніе людямъ свои могучія силы. «Небо учило меня любить, — писалъ поэтъ, — а люди научили ненавидѣть». И вмѣстѣ съ этой ненавистью онъ навсегда, казалось, утратилъ «пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ сердца». Къ этому именно моменту глубокой душевной усталости и тяжелаго разочарованія Лермонтова относится нѣсколько драгоцѣнныхъ наблюденій, сдѣланныхъ немногими людьми, способными постичь великій духъ поэта и разгадать его «Прометеевскую участь». Какъ вѣрно, напримѣръ, понялъ всю глубь Лермонтовской души великій критикъ земли русской: «Глубокій и могучій духъ! — писалъ Бѣлинскій. — О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура!... Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого... Я съ нимъ робокъ — меня давятъ такія цѣлостныя, полныя натуры, я передъ нимъ благоговѣю

Рисунокъ Лермонтова (перомъ) изъ тетради, принадлежащей Лермонтовскому Музею (№ 169).

Бивуакъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка подъ Краснымъ Селомъ.

Съ акварели М. Ю. Лермонтова 1835 года.

(Собственность О. А. Новосильцовой).

и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества»... Бѣлинскій одинъ изъ немногихъ понялъ, что видитъ передъ собой не холоднаго демона, а разочарованнаго идеалиста, глубоко страдающаго отъ утраты имъ вѣры въ жизнь и людей.

Изъ числа другихъ отзывовъ людей, видѣвшихъ въ это время Лермонтова и сумѣвшихъ угадать его величіе, упомянемъ еще Тургенева, извѣстнаго славянофила Ю. Самарина и позднѣе нѣмецкаго поэта Фридриха Боденштедта, который былъ страстнымъ поклонникомъ Лермонтова и перевелъ его произведенія на нѣмецкій языкъ. «Онъ вполнѣ умѣлъ быть милымъ,—говоритъ Боденштедтъ.—Отдаваясь кому-нибудь, онъ отдавался отъ всего сердца... Людей же, недостаточно знавшихъ его, чтобы извинять его недостатки за его высокія, обаятельныя качества, онъ скорѣе отталкивалъ, нежели привлекалъ къ себѣ, давая слишкомъ много воли своему нѣсколько колкому остроумію. Впрочемъ, онъ могъ быть въ то же время кротокъ и нѣженъ, какъ ребенокъ, и вообще въ характерѣ его преобладало задумчивое, часто грустное настроеніе... Многіе изъ соотечественниковъ Лермонтова раздѣляли съ нимъ его Прометеевскую участь, но ни у одного изъ нихъ страданія не вызвали такихъ драгоцѣнныхъ слезъ». Никто почти не понималъ трагической личности Лермонтова и почти никто не любилъ его высокой души, глубоко скрытой подъ маской свѣтскаго льва и насмѣшника. Надъ головой поэта собирались тучи, и скоро разразилась гроза. На почвѣ ухаживанія за одной свѣтской красавицей произошло въ началѣ 1840 г. столкновеніе Лермонтова съ сыномъ французскаго посланника Эрнестомъ де-Барантомъ. На балу у графини Лаваль Барантъ подошелъ къ поэту и дерзко замѣтилъ ему, что, зная «о невыгодныхъ вещахъ», распространяемыхъ про него Лермонтовымъ, онъ «въ своемъ отечествѣ» сумѣлъ бы кончить дѣло. Лермонтову, разумѣется, не оставалось ничего другого, какъ заявить, что «въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что русскіе не меньше другихъ не позволяютъ оскорблять себя безнаказанно». Дуэль назначена была на 18 февраля, на Черной рѣчкѣ, сперва на шпагахъ до первой крови, а затѣмъ на пистолетахъ. Въ самомъ началѣ дуэли у Лермонтова сломался конецъ шпаги, и онъ получилъ легкую рану въ грудь. Затѣмъ Барантъ далъ промахъ, а Лермонтовъ намѣ-

ренно выстрѣлилъ въ воздухъ, послѣ чего состоялось примиреніе противниковъ. Возникло дѣло, которое должно было, конечно, кончиться для поэта пустяками, такъ какъ дуэль была вызвана необходимостью защитить честь русскаго офицера, а поведеніе его во время самаго поединка не могло не быть признано безукоризненнымъ. Но, къ несчастью, Барантъ оскорбился дошедшими до него слухами о томъ, что Лермонтовъ показывалъ на слѣдствіи, будто онъ нарочно стрѣлялъ въ воздухъ, и потребовалъ отъ него объясненія. Поэту пришлось вызвать своего противника на гауптвахту и, чтобы объясниться съ нимъ, допустить нарушеніе дисциплинарныхъ правилъ. Барантъ вполнѣ удовлетворился объясненіемъ Лермонтова, но проступокъ поэта сталъ извѣстенъ, и онъ понесъ за него суровую кару: Высочайшею резолюціей отъ 13 апрѣля онъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ (поручикомъ) въ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

Кикинъ, миніатюра работы М. Ю. Лермонтова.

Лермонтовскій Музей при Ник. Кав. Учил. Пожертвовано А. М. Корвинъ-Крюковской.

Прибывъ въ іюнѣ мѣсяцѣ на Кавказъ, къ мѣсту своего новаго служенія, Лермонтовъ былъ прикомандированъ къ отряду генералъ-лейтенанта Галафѣева и принялъ дѣятельное участіе въ двухъ большихъ походахъ—въ Малую и въ Большую Чечню. Страстная жажда дѣятельности, всегда отличавшая Лермонтова, на время нашла себѣ здѣсь исходъ въ воинскихъ подвигахъ; поэтъ выказалъ себя необыкновенно храбрымъ и дѣятельнымъ воиномъ, исполнялъ «съ отмѣннымъ мужествомъ и хладнокровіемъ» опаснѣйшія порученія и дважды былъ представленъ къ наградамъ: къ Владиміру 4-ой степени за дѣло при рѣкѣ Валерикѣ и къ золотому оружію за командованіе «Лермонтовскимъ отрядомъ», составленнымъ изъ разнаго сброда; рыская впереди главной колонны, этотъ отрядъ, какъ снѣгъ на го-

Гусары при штурмѣ Варшавы 1831 г.

Акварель М. Ю. Лермонтова.

Подлинникъ въ Л.-Гв. Гусарскомъ Его Величества полку.

При Валерикѣ.

Съ акварели М. Ю. Лермонтова.

(Лермонтовскій Музей при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ).

лову, сваливался на чеченцевъ и, дѣйствуя исключительно холоднымъ оружіемъ, никому не давалъ пощады. Но и боевая жизнь не дала Лермонтову удовлетворенія: «Я надѣялся,— разсказываетъ Печоринъ въ повѣсти «Бэла», — что скука не живетъ подъ чеченскими пулями, — напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ,—и мнѣ стало скучнѣе прежняго»... Дѣйствительно, въ концѣ октября того же года мы видимъ поэта уже въ Крыму, гдѣ онъ ухаживаетъ за женою французскаго консула, поэтессою Гоммеръ-де-Гелль, глубоко заинтересовавшейся этимъ «Прометеемъ, прикованнымъ къ горамъ Кавказа».

Въ началѣ января 1841 г. Лермонтовъ получилъ отпускъ и уѣхалъ въ Петербургъ, но, несмотря на всѣ усилія, ему не удалось остаться здѣсь, какъ онъ расчитывалъ, выйти въ отставку и посвятить себя всецѣло литературной работѣ: неожиданно для себя поэтъ получилъ весной категорическій приказъ— оставить столицу въ 48 часовъ и отправиться къ мѣсту своего служенія. Лермонтовъ покинулъ Петербургъ въ совершенно угнетенномъ состояніи духа: послѣднія надежды его рухнули, его мучили предчувствія, и онъ говорилъ друзьямъ объ ожидавшей его близкой смерти. Однако, вмѣсто того, чтобы отправиться въ полкъ, Лермонтовъ подалъ рапортъ о болѣзни и вмѣстѣ съ ближайшимъ другомъ своимъ, Монго-Столыпинымъ, уѣхалъ въ Пятигорскъ прямо навстрѣчу своей безвременной гибели.

Обстоятельства послѣдней дуэли и смерти великаго поэта все еще остаются загадочными и неясными. Въ общихъ чертахъ послѣдніе дни его жизни рисуются въ слѣдующемъ видѣ. Пріѣхавъ въ Пятигорскъ, Лермонтовъ немедленно отдался обычному образу жизни и, какъ всегда, сейчасъ же постарался стать во главѣ мѣстнаго «водяного» общества. Между прочими знакомыми онъ встрѣтилъ здѣсь стараго своего пріятеля и товарища по школѣ, съ семействомъ котораго былъ знакомъ еще въ Москвѣ, — отставного маіора Гребенского казачьяго полка, Николая Соломоновича Мартынова, которому и выпала ужасная судьба сдѣлаться убійцей величайшаго поэта Россіи. Мартыновъ принадлежалъ къ числу тѣхъ пошлыхъ красавцевъ, которые, драпируясь въ модную тогу разочарованія, интересовались

только собою и своими успѣхами у женщинъ; какъ образецъ пошлости, онъ не могъ не сдѣлаться здѣсь мишенью обычныхъ Лермонтовскихъ насмѣшекъ. Разряженный въ необыкновенный черкесскій костюмъ, съ висѣвшимъ на боку огромнымъ кавказскимъ кинжаломъ, раздушенный и даже, какъ говорятъ, раскрашенный, Мартыновъ сдѣлался главнымъ героемъ мѣткихъ и злыхъ карикатуръ Лермонтова и получилъ отъ него прозвище «montagnard au grand poignard» (горецъ съ большимъ кинжаломъ). Это прозвище, быстро распространившееся въ обществѣ, приводило Мартынова въ бѣшенство, такъ какъ оно роняло его престижъ въ глазахъ мѣстныхъ дамъ. Оба, и Лермонтовъ и Мартыновъ, часто бывали въ домѣ генерала Верзилина; за хорошенькой падчерицей послѣдняго, Эмиліей Александровной Клингенбергъ, Мартыновъ сильно ухаживалъ. И вотъ однажды, на вечерѣ у Верзилиныхъ, Лермонтовъ, сидя рядомъ съ Эмиліей Александровной, воспользовался игрой одного изъ гостей, князя Трубецкого, на фортепіано и сталъ довольно громко острить надъ величественной фигурой стоявшаго невдалекѣ Мартынова. На несчастье, князь Трубецкой внезапно рѣзко оборвалъ свою игру, и слова «montagnard au grand poignard» разнеслись по всей залѣ. По окончаніи вечера Мартыновъ вызвалъ Лермонтова на дуэль, которая и была назначена на 15 іюля, въ 7 часовъ вечера, у подошвы горы Машука. Повидимому, никто не ожидалъ трагическаго ея исхода: Лермонтовъ заранѣе объявилъ, что онъ стрѣлять не будетъ, а Мартыновъ заявлялъ всѣмъ, что онъ и не умѣетъ стрѣлять. На мѣстѣ дуэли не было ни доктора, ни экипажа; никто не могъ впослѣдствіи разобраться въ томъ, кто у кого былъ секундантомъ. По словамъ Раевскаго,

Старушка и дѣвушка, рисунокъ Лермонтова.
(Лермонтовскій Музей при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ).

Воспоминаніе о Кавказѣ.

Картина масляными красками, работы М. Ю. Лермонтова (1839 г.).

(Лермонтовскій Музей при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ).

Кавказскій видъ.

Картина масляными красками, работы М. Ю. Лермонтова.

(Лермонтовскій Музей при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ).

по окончаніи дуэли въ квартирѣ поэта долженъ былъ состояться веселый ужинъ. Но судьба рѣшила иначе... Когда противники сошлись на мѣстѣ поединка, Лермонтовъ взвелъ курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ и, «заслонясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста», остался недвижимымъ. Мартыновъ, быстрыми шагами подойдя къ барьеру, сталъ внимательно и долго прицѣливаться. Раздался выстрѣлъ... «Лермонтовъ упалъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ», разсказывалъ секундантъ,

Лермонтовъ на смертномъ одрѣ.

Работы Швабе.

кн. А. И. Васильчиковъ... «Мы подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ—сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкія». Въ этотъ же моментъ раздался страшный ударъ грома, и полилъ проливной дождь: прахъ поэта нѣсколько часовъ оставался подъ дождемъ, прикрытый буркой,—въ ожиданіи врача и экипажа. Въ эти жуткія минуты при тѣлѣ оставался одинъ вѣрный другъ поэта, Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, державшій на колѣняхъ голову безвременно погибшаго генія.

Такъ погибъ въ борьбѣ съ своимъ вѣчнымъ и лютымъ врагомъ, въ борьбѣ съ пошлостью людской величайшій русскій поэтъ. Онъ

погибъ, еще не достигнувъ и 27-лѣтняго возраста, погибъ, еще не продумавъ и не проработавъ до конца свое міровоззрѣніе, только-еще начавъ пѣть свои великія пѣсни... «Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный увялъ на утренней зарѣ, потухъ огонь на алтарѣ» *)... Никто не знаетъ, какъ далеко простеръ бы онъ свои крылья генія, какъ высоко они вознесли бы его «надъ міромъ печали и слезъ», но его муза таила въ себѣ, несомнѣнно, величайшія возможности, его «умолкнувшая лира», если бы не злой рокъ, всегда преслѣдующій лучшихъ, должна была бы «поднять въ вѣкахъ могучій, непрерывный звонъ»... Но эту «святую тайну» свою навсегда унесла съ собой въ могилу «его страдальческая тѣнь» **)...

17 іюля прахъ поэта былъ преданъ погребенію на Пятигорскомъ городскомъ кладбищѣ, а весною 1842 г. былъ, по просьбѣ неутѣшно оплакивавшей своего Мишеля бабушки, съ Высочайшаго разрѣшенія перевезенъ въ Тарханы, гдѣ и покоится по настоящій день ***).

А. В. Семека.

При Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, по мысли покойнаго начальника училища — Барона А. А. Бильдерлинга, возникъ въ 1881 г. Лермонтовскій музей и создался нынѣ, съ Высочайшаго соизволенія сооруженный въ саду училища памятникъ М. Ю. Лермонтову работы художника Микѣшина.

Закладка памятника произведена была Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Президентомъ Императорской Академіи Наукъ Вел. Княземъ Константиномъ Константиновичемъ 1-го Октября 1913 г. День былъ пасмурный, но безъ дождя. Домикъ каменщиковъ обратили въ павильонъ съ навѣсомъ, надъ мѣстомъ закладки, декорированнымъ зелеными гирляндами и матеріей цвѣтовъ училища; помостъ былъ затянутъ алымъ

---

*) Пушкинъ, «Евгеній Онѣгинъ», гл. 6, стр. XXXI.

**) Тамъ же, стр. XXXVI.

***) 15 іюля 1914 г., въ день смерти поэта, депутація отъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища (офицеръ при четырехъ юнкерахъ 2-го Лермонтовскаго взвода эскадрона) посѣтили могилу Лермонтова въ селѣ Тарханы, отслужили панихиду и возложили вѣнокъ отъ школы, воспитавшей великаго русскаго поэта.

Перестрѣлка въ горахъ Кавказа.

Картина масляными красками, работы М. Ю. Лермонтова.

(Собственность Н. Р. Александренко).

Кавказскій видъ.

Картина масляными красками, работы М. Ю. Лермонтова.

(Лермонтовскій Музей при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ).

Домъ Е. А. Арсеньевой (бабушки поэта), въ селѣ Тарханахъ, Пензенской губ.

(Лермонтовскій Музей при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ).

Домикъ Лермонтова въ ПятигорскѢ.

Съ акварели А. А. Бильдерлинга.

(Лермонтовскій Музей при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ).

«99 лѣтъ назадъ, послѣ славныхъ годовъ Отечественной войны, когда русскій народъ въ дружномъ единеніи съ своимъ Монархомъ и арміей далъ Россіи неисчерпаемый источникъ національныхъ вдохновеній, родился великій Лермонтовъ.

Нынѣ, наканунѣ этого дня, велѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, въ присутствіи многочисленныхъ депутацій военной, ученой, учебной и общественной Россіи, съѣхавшихся на этотъ общерусскій праздникъ со всѣхъ концовъ земли, мною заложенъ славному Русскому поэту въ саду родного ему училища памятникъ, воздвигаемый ему русской кавалеріей. Присутствующіе вознесли при этомъ молитвы Богу о ниспосланіи Вамъ, Государь, многолѣтняго свѣтлаго царствованія, здоровья, силъ и неувядаемой славы на счастье Государства и на радость Вашихъ подданныхъ. Генералъ-Адъютантъ Константинъ». Громовое ура и троекратно повторенный гимнъ покрыли чтеніе депеши.

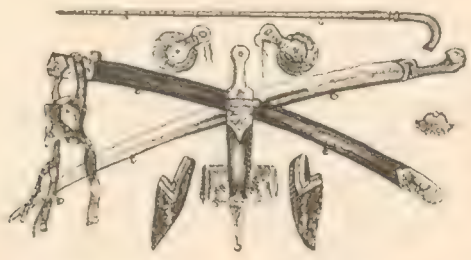
Прочитанъ былъ докладъ А. В. Семеки о значеніи поэзіи Лермонтова, произнесены рѣчи депутацій, и затѣмъ неожиданно для всѣхъ къ кафедрѣ подвинулся почтенный П. П. Семеновъ-Тянь-шанскій. Опираясь на костыль, въ андреевской лентѣ, поддерживаемый секретаремъ Императорскаго Географическаго Общества Достоевскимъ, онъ вошелъ на кафедру и оперся о пьедесталъ, на которомъ стоялъ бюстъ Лермонтова. Онъ заговорилъ тихимъ, но яснымъ старческимъ голосомъ:

«Я взошелъ на эту кафедру, какъ Вице-Президентъ Императорскаго Географическаго Общества, потому что Лермонтовъ былъ пѣвецъ природы, онъ былъ поэтъ-географъ!

Я вошелъ въ эти стѣны, какъ бывшій питомецъ школы, окончившій курсъ ея въ 1845 г. и занесенный здѣсь на мраморную доску. Но я главнымъ образомъ здѣсь еще и потому, что я единственный изъ присутствующихъ, знавшій и видѣвшій Лермонтова. 10-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, дядя возилъ меня въ домъ умиравшаго Пушкина и тамъ у гроба умершаго генія я видѣлъ и знавалъ великаго Лермонтова».

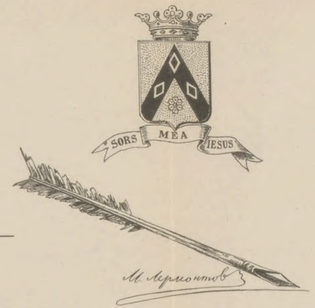
Появленіе этого маститаго старца произвело огромное впечатлѣніе. Точно разверзлась завѣса прошлаго. Трепетъ прошелъ по залу. Прошлое словно приблизилось. Многіе призадумались и поникли головой, нѣкоторые плакали, слушая рѣчь этого

прекраснаго старца, вызвавшаго былые призраки, стоявшаго уже на рубежѣ иной жизни. Въ эту иную жизнь онъ и отошелъ! Ко дню открытія памятника Лермонтову его не стало. Благодарная школа, его воспитавшая, руками своихъ юнкеровъ вынесла гробъ его до церкви, гдѣ его отпѣвали, и создала бронзовое изваяніе его, открываемое въ одинъ день съ Лермонтовскимъ памятникомъ, дабы и онъ могъ безсмертно присутствовать на открытіи того памятника, закладку котораго онъ такъ прекрасно и незабвенно отмѣтилъ.



Вещи, принадлежащія М. Ю. Лермонтову: шашка, кинжалъ, эполеты, поясъ, чувяки, бумажникъ, щеточка—хранящіяся въ Лермонтовскомъ Музеѣ при Ник. Кав. Учил. Рисовалъ портупей-юнкеръ А. Фроловъ.

Родословная
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.



I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI